

АГРАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1920-е ГОДЫ

Предпринимается попытка проанализировать состояние базовых отраслей аграрного производства Европейского Севера России в период новой экономической политики. Анализируется состояние земледелия и животноводства в контексте технологических изменений производства и на этой основе делается вывод о взаимообусловленности производственных процессов и их результативности в период хозяйственной конъюнктуры 1920-х гг.

Крестьянское хозяйство, земледелие, скотоводство, севооборот, урожайность, кормовая база, продуктивность животноводства.

Изучение аграрных технологий 1920-х годов позволяет определить основные показатели эволюции земледельческой и животноводческой сфер сельского хозяйства и уровень интенсивности крестьянского производства страны. В данной статье предпринята попытка рассмотреть данную проблему на примере Европейского Севера¹.

Состояние земледельческой сферы, определявшей основные направления эволюции аграрного сектора эко-

номики региона, в 1920-е гг. всецело определялось результатами масштабного передела земли, проведённого крестьянами в ходе аграрной революции 1917 – 1921 гг.

Подсчёты, основанные на абсолютных данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года, свидетельствуют о том, что в начале XX в. в сельскохозяйственный оборот были вовлечены крайне незначительные площади огромных земельных пространств Европейского Севера. 94,88% земель Архангельской и 41,7% Олонецкой губерний вовсе не были распределены на угодья (не приведены в известность).

Напротив, в Вологодской губернии площадь культурных земель составляла 99,94% от общего массива земель. В итоге площадь сельскохозяйственных угодий составляла в регионе в среднем 31,64%. В их структуре ведущее место принадлежало площадям, занятым лесом и кустарником (26,86%), сенокосные и выгонные участки занимали соответственно 12,02 и 10,48%.

САБЛИН Василий Анатольевич
д.и.н., доцент ФГБОУ ВПО
«Вологодский государственный
педагогический университет»
Sablin@inbox.ru

¹ В 1920-е гг. регион включал Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую губернии, Карельскую автономную советскую социалистическую республику и Автономную область Коми.

Пашенные угодья чуть превышали площадь в 6,00%. Усадьба составляла в среднем по региону 0,30% от всей площади сельхозугодий².

«Чёрный передел» земли 1917 – 1921 годов закономерно сопровождался масштабным приведением в известность земельных площадей и определёнными подвижками в их структуре. Судя по данным выборочного земельного обследования 1922 года, значительно возрос удельный вес усадебных земель и пашни – с 6,34% в 1917 году до 17,20% в 1922 году, увеличилась доля сенокосных и выгонных земель – в совокупности с 22,50 до 37,00%³.

По мере завершения восстановительных процессов к середине 1920-х гг. структура сельскохозяйственных угодий изменялась в сторону относительного увеличения окультуренных площадей. В 1925 г. общая земельная площадь Европейского Севера исчислялась в 95385,4 тыс. дес. (103970,1 тыс. га)⁴.

В сравнении с 1917 годом в 1925 году значительно сократилась (с 68,36 до 22,47%) площадь не распределённых на угодья земель. В то же время площади, занятые усадьбой, пашней и сенокосом не обнаруживали тенденций к росту⁵.

² Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. – Труды ЦСУ. – Т. V. – Вып. 2. – М., 1923. – С. 2-5, 20, 76.

³ Бляхер, Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. / Я. Бляхер // Вестник статистики. 1923. – Кн. 13. – С. 9; Статистический ежегодник. 1922 и 1923 гг. – Вып. 1. – Труды ЦСУ. – Т. VIII. – Вып. 5. – М., 1924. – С. 178-179.

⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2790. Л. 5, 6, 8-8об., 20-21; Д. 2911. Л. 16, 17; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-ой. К III съезду Советов Союза ССР. – М., 1925. – С. 132-133, 142.

⁵ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах... – С. 132-133, 142; Экономические очерки союзных и автономных республик и районированных областей, губерний и округов СССР. – М.; Л., 1926. – С. 9, 16, 35, 51, 52, 122, 139.

В любом случае, вплоть до середины 1920-х гг. резких изменений в составе земельных угодий не наблюдалось, развивалась в неизменном виде традиционная для региона структура угодий, без каких-либо качественных подвижек. При наличии громадного земельного фонда в регионе площадь культурных земель, пригодных для земледелия, была ничтожно мала. Леса составляли от 65,5 до 73,1% от всех крестьянских земель. При этом крестьянин крайне слабо использовал находившиеся в его распоряжении удобные земли. Значительная часть из них была занята под выгон. Выгонные земли превышали земельные площади под пашней и усадьбой вместе взятыми.

Застывшая структура земельных угодий свидетельствовала о максимальном на то время сельскохозяйственном освоении земельных пространств обширнейшего региона. Дальнейшее расширение усадебных, пашенных и сенокосных угодий было возможно только за счёт дополнительного вовлечения в сельскохозяйственный оборот подлесных территорий (путём расчисток и распахов), что, в свою очередь, требовало огромных финансовых и трудовых затрат, которыми в подавляющем большинстве население не располагало.

Неуклонное снижение размеров посевных площадей на Европейском Севере в 1917 – 1922 гг. сменилось относительно быстрым восстановлением пахотных угодий в 1923 – 1924 гг. и, начиная с 1925 года, постепенным их расширением. В 1927 году посевные площади в регионе превышали показатели 1916 года более, чем на 100 тыс. га, и более, чем на 150 тыс. га уровень 1917 года. В 1928 году посевные площади составляли в 1157,5 тыс. га (в Северном крае 1097,6 тыс. га, в Карельской АССР – 59,9 тыс. га), в 1929 году –

1196,3 тыс. га (в Северном крае – 1131,3, в Карельской АССР – 65,0 тыс. га)⁶. Отмеченные результаты были достигнуты прежде всего за счёт Вологодской и отчасти Северо-Двинской губерний. На их долю в 1916 году приходилось 77,2% посевных площадей, в 1927 году – 85,2%. В АО Коми и Карельской АССР расширение пашни было не столь заметным, а в Архангельской губернии в 1927 году довоенный уровень вовсе не был достигнут.

Далеко не всегда увеличение площади пашни сопровождалось увеличением посевов в крестьянских хозяйствах. Многие зависело от погодных, экономических и иных факторов. Размеры пашни в каждом хозяйстве имели сезонные колебания и зависели от производственных возможностей самого двора.

Самое главное состояло в другом – в ускоренном росте численности крестьянских дворов, темпы которого значительно опережали темпы роста посевных площадей. В итоге средний размер пашни на одно хозяйство в 1917–1920-х гг. оставался крайне незначительными. Если в 1917 году он составлял 2,0 га, а в 1920 году 1,3 га, то в 1924 году, к моменту восстановления посевных площадей – лишь 1,8 га (без Вологодской губернии). Довоенные показатели обеспеченности пашней были превышены лишь в 1926 году и, по нашим расчётам, составили в среднем по региону 2,3 га на двор, при этом, по крайней мере, в первой половине 1920-х гг., наблюдались значительные площади недосево⁷.

⁶ Контрольные цифры народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР на 1929/30 год (материалы ко II сессии ВЦИК XIV-го созыва). – М., 1929. – С. 107.

⁷ Рассчитано по: Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края: материалы специальных экономических обследований. – Л., 1929. – С. 56-61; Конъюнктура хозяйства Коми автономной области за второе полугодие 1923/24 г. и за первый – 3 квартал 1924/25 г. – Усть-Сысольск, 1925. – С. 7; Экономические очерки... – С. 9, 16, 35, 51-52, 122, 139.

С другой стороны, практически во всех уездах неоправданно большими были земли, занятые парами⁸.

Более адекватную картину ежегодных изменений засеваемой площади в хозяйстве представляют результаты динамических описаний крестьянских хозяйств за 1917 – 1927 гг. За десятилетие средний размер посева на 1 хозяйство в Архангельской губернии не поднялся выше 1 дес. и был в 1927 году гораздо ниже уровня 1917 года.

В Вологодской губернии, наоборот, средний для региона уровень посева в хозяйстве, определяемый для 1917 года в 1,9 га, был превзойдён в 1924 году. Последующий период отличался неуклонным увеличением посева в хозяйстве примерно на 0,1 га в год, что составляло в 1926 г. 2,3 – 2,5 га на двор, в 1927 году – 2,6 га на двор⁹. В Северо-Двинской губернии, по нашим подсчётам, площадь посева равнялась в 1917 году 2,2 га в среднем на двор, в 1920 году – 1,3 га, в 1925 году – 2,1 га, в 1926 году – 2,2 га, в 1927 году – 2,2 га, в 1928 году – 2,4 га¹⁰. В АО Коми в 1927 году при среднем размере пашни в 0,3 – 1,1 га на двор, размер посева составлял 0,2 – 0,8 га на двор¹¹.

В 1929 году наименьшей обеспеченностью (в границах региона) пашней и, соответственно, посевом отличались кре-

⁸ Деларов, Д.И. Опыт экономической характеристики Севера (К вопросу о выработке программных заданий областной опытной станции по сельскохозяйственному делу) / Д.И. Деларов // Север. – 1924. – № 1(5). – С. 111.

⁹ Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год. – Архангельск, 1929. – С. 211; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925 – 1927 годы. – Вологда, 1929. – С. 428. (Итоговые данные по Вологодской губернии пересчитаны в отношении: 1 дес. = 1,09 га).

¹⁰ Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического отдела 1927. – № 3. – С. 4-5; 1928. – № 2. – С. 1; Краткий статистический справочник по Северо-Двинской губернии на 1927 год. – Великий Устюг, 1926. – С. 39.

¹¹ Коми область. Краткий статистический справочник. – Сыктывкар, 1929. – С. 64.

стьянские дворы самого северного Архангельского округа – 1,06 га пашни и 0,80 га посева. Обеспеченность полевыми угодьями крестьян Вологодского и Северо-Двинского округов примерно находилась на равном уровне. Минимальный размер угодий двор (1,44 га пашни и 1,08 га посева) был отмечен в Ленском районе Северо-Двинского округа, максимальный – 9,57 га пашни и 5,66 га в Кокшенгском районе Вологодского округа.

АО Коми по средней обеспеченности крестьян пашней была близка к Архангельскому округу. Наименьшим размером пашни и посева на хозяйство не только в области, но и на всем Европейском Севере отличался Устьцилемский район (0,27 га пашни и 0,26 посева), наибольшим в АО Коми – Прилузский (Лузса) район (2,39 га пашни и 1,57 га посева)¹².

Удельный вес незасеянной (пустующей или находившейся под паром) пашни в расчёте на одно хозяйство в Архангельском округе составлял в 1929 году 24,5%, в Вологодском – 30,7, в Нянском – 35,3, в Северо-Двинском – 27,4, АО Коми – 27,2%. По краю в целом – 30,4%.

Вполне очевидно, что при господствующей трёхпольной системе земледелия большая часть незасеянных земель приходилась на паровой клин (который с хозяйственной точки зрения по-прежнему оставался непропорционально большим), тем не менее значительная площадь пашни выпадала из оборота по другим причинам – запускалась под залежь, пустовала. В 1927 году в Северо-Двинской губернии доля полевого посева к площади пашни составляла 69,6%, парового клина – 29,4, залежи и перелога («перегноя») – 0,3, пустующей пашни – 0,7%¹³.

¹² Материалы по районированию Северного края. Описание края, его округов и районов. – Архангельск, 1929. – С. 174-182.

¹³ Город Котлас и его роль... Приложения. – С. 26-27.

Справедливости ради следует отметить, что наряду с классическим трёхпольем в регионе в 1920-х гг. культивировались и иные системы полеводства, такие как четырёхполье (два яровых поля, озимое поле и пар) и двуполье. На севере Мезенского уезда Архангельской губернии с ярко выраженной полевой монокультурой «в течение десятков и сотен лет ячмень ... сеется по ячменю, причём пашня ... почти не парует»¹⁴. В Карелии выделялись 4 сельскохозяйственных района: «малосеющий рыбопромысловый», «малоподсечного двуполья», «среднеподсечного трёхполья» и «многоподсечного трёхполья»¹⁵.

Таким образом, с середины 1920-х гг. наметилась вполне определённая тенденция разнонаправленной эволюции полеводства: для Вологодской и Северо-Двинской губерний – относительно стабильного и поступательного движения вперёд, для крайних северных районов Архангельской губернии, АО Коми и Карельской АССР – замедления темпов его развития. Здесь полеводство окончательно приобретает подсобный характер, служа целям обеспечения минимумом продовольствия членов семьи, занятых в массе своей вне сферы аграрного производства. Данное обстоятельство казалось настолько очевидным уже во второй половине 1920-х гг., что экономисты приходили к выводу о том, что «полевое хозяйство в Архангельской губернии вообще не развивается, а регрессирует»¹⁶.

Рассмотрим качественную сторону проблемы – структуру размещения полевых культур на крестьянских землях.

¹⁴ Труды лесозащитных экспедиций. Вып. 1. Мезенская экспедиция. – М., 1929. – С. 280.

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 698. Оп. 5. Д. 8/86. Л. 44 об.

¹⁶ Докладная записка Вологодского губплана по вопросу областного районирования северных губерний РСФСР. – Вологда, 1928. – С. 16.

Наиболее значимым фактором, непосредственно влиявшим на изменение пропорций посевов в 1919 – 1921 гг., являлась продразвёрстка. Стремясь снизить её тяжесть, крестьянин повсеместно менял структуру площадей под зерновыми культурами. Это выражалось в постепенном увеличении площадей под более урожайной озимой рожью и сокращении под яровыми. Ведущее место в структуре посевов в 1920 – 1921 гг. на Европейском Севере прочно заняли рожь, овёс и ячмень. Фактически в два раза уменьшились посевы гороха, льна и конопли. Резко сократились посадки картофеля. Тип полеводства приобретал потребительский характер. Параллельно с переходом полеводства на хлебофуражные постепенно набирает силу тенденция интенсивной обработки усадебной земли с целью возможно большего получения продуктов питания. Близ городов складываются районы, специализировавшиеся на выращивании огородных культур с целью их рыночной реализации¹⁷.

К середине 1920-х гг. было восстановлено традиционное соотношение полевых культур. Более того, оно постепенно приводилось в соответствие с новыми хозяйственными запросами крестьянской семьи и меняющейся экономической конъюнктурой¹⁸. Во второй половине 1920-х гг. положение с продовольственными и фуражными культурами не изменилось: они по-прежнему занимали доминирующее место в полеводстве. Вместе с тем нельзя не заметить, что, начиная с 1924 года, значительно сократился

удельный вес части «пирожных» хлебов – ржи и ячменя, при этом возрастала доля посевов пшеницы. Среди кормовых хлебов ведущее место оставалось за овсом, хотя его доля несколько снизилась. Большим изменениям подверглись посадки картофеля, доля которых составляла в 1926 – 1928 гг. свыше 5,0%, превышая тем самым показатели 1913 года почти в 2 раза.

Посевы подо льном сокращались во всех северных губерниях, причём в большей степени это наблюдалось в основных льнопроизводящих губерниях: Северодвинской – на 61,6%, Вологодской – на 55,4%. В то же время в Архангельской губернии, где льноводство не носило промышленного характера, площади, занятые подо льном, уменьшились лишь на 8,5%¹⁹. В конечном счёте посевы льна и конопли до конца 1920-х гг. так и не достигли довоенного уровня²⁰. Льноводство фактически развивалось только в тех в масштабах, которые были необходимы для удовлетворения потребительских запросов двора.

Результативность полеводческого хозяйства на Севере, как ни в каком другом районе страны, зависела от качества почв и, прежде всего, от суровых климатических условий. Веками крестьянин вырабатывал агротехнические приёмы, которые позволяли ему минимизировать негативное воздействие климата.

¹⁷ См. подробнее: Саблин, В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917 – 1921. (Социальные и экономические результаты). – Вологда: «Легия», 2002. – С. 148-167.

¹⁸ Саблин, В.А. Земледельческое производство на Европейском Севере в первой половине 1920-х гг. (характер восстановительных процессов в северной деревне) / В.А. Саблин // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вологда: ВГПУ, 2000. – С. 15.

¹⁹ Итог работ Северо-Двинского губпосевкома // За работу. – 1921. – № VI. – С. 333; Сельскохозяйственный фронт (в условиях Вологодской губернии). – Вологда, 1922. – С. 30; Государственный архив Архангельской области (далее – ГАОО). Ф. 187. Оп. 1 Д. 152. Л. 80-83. В Северо-Двинской губернии посевные площади, находившиеся подо льном в 1916 г., не были восстановлены за все годы нэпа.

²⁰ Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901 – 1922 гг. – М., 1923. – С. 115; Экономические очерки... С. 9, 16, 35, 51, 52, 122, 139; Статистический справочник СССР за 1928 г. – М., 1929. – С. 160, 178-221; Статистический сборник по Северному краю за 1929 – 1933 годы. – Архангельск, 1934. – С. 119.

В 1920-х гг., по мере восстановления отрасли, воспроизводилась земледельческая культура предков и обозначались новые тенденции, связанные пусть с медленным, но всё же необратимым процессом внедрения достижений агрономической науки.

Почва для посева яровых готовилась тщательно. Как правило, земля перепаживалась по нескольку раз. В агротехнике повсеместно применялась зяблевая вспашка. По данным текущей земельной статистики, НКЗ 1924 – 1925 гг. в процентах к яровому клину зяблевая вспашка в Вологодской губернии составляла 4,5 – 5,0%, в Северо-Двинской – 5,8%²¹. В более северных Архангельской губернии, АО Коми и Карельской АССР зяби отводилась большая доля ярового клина. По сведениям крестьянских бюджетов, в 1923/1924 гг. и в 1924/1925 гг. здесь зябь занимала до 58 – 65%²². Зяблевая вспашка на 1 – 1,5 месяца сокращала осенний выпас скота, но при этом расход сена на этот период компенсировался ценностью прироста зерновых и кормовой соломы. Например, повышение урожайности овса от зяблевой вспашки составляло в Вологодской губернии 15 – 25%, в Северо-Двинской – до 15%. При этом прирост валового дохода на десятину равнялся 9,0%²³.

При наличии осенней пахоты поле весной перепаживалось ещё 1 – 2 раза. При этом каждый раз производилось боронование. Правда в 1923/1924 гг. статистика зафиксировала и полное отсутствие боронования в Северном районе до 37% яровых посевов²⁴.

²¹ Костров, Н.И. Очерки по технике сельского хозяйства (по материалам текущей сельскохозяйственной статистики НКЗ) / Н.И. Костров, А.Я. Тарасов. – М., 1927. – С. 7-8.

²² Урочное положение на сельскохозяйственные работы в связи с техникой полеводства (по данным крестьянских бюджетов 1922/23, 1923/24 и 1924/25 гг.). – М., 1927. – С. 2-3, 8-9.

²³ Костров, Н.И. Указ. соч. – С. 11-13.

²⁴ Урочное положение... – С. 2-3, 8-9.

Подготовка почвы под озимую рожь велась более тщательно. Важное место в агротехнике озимых занимали ранние пары. Первый взмёт пашни под озимь начинался на Севере фактически одновременно с пахотой под яровые в мае – начале июня. Ранний пар затем перепаживался ещё два раза в конце июня и в конце июля. При этом почва каждый раз заборанивалась или культивировалась. В ряде случаев боронование производилось четырежды. Например, в Архангельской губернии в 1927 году разовой вспашке подверглось лишь 0,6% озимого клина, двукратной – 21,3%, трёхкратной – 78,1%²⁵. По данным за 1923 – 1929 гг., в Карелии пахали под озимь 1 раз от 5 до 9% крестьян, 2 раза – 23 – 29%, 3 раза – 60 – 70%. Озимой посев начинали примерно 8 августа²⁶.

Тщательная вспашка и боронование служили средством подготовки почвы и ликвидации сорной растительности. Однако решающее значение для крестьян имели организационные моменты, такие как обеспечение летнего кормления скота и достаточное количество тяговой силы для многократных вспашек.

Ранние пары уничтожали пастьбу скота на парах и требовали дополнительного корма. Прирост дохода (рентабельность) от раннего пара должен быть выше стоимости прокорма за май – июнь месяцы. При этом рентабельность была тесно связана с конъюнктурой каждого хозяйственного года. В итоге доходность ранних паров при существовавшей технике обработки пара и дороговизне кормов являлась величиной относительной²⁷.

²⁵ Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год... – С. 148.

²⁶ Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. – Вып. III. – 1928. – Петрозаводск, 1928. – С. 162; Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. – Вып. IV. – 1929. – Петрозаводск, 1931. – С. 129, 131.

²⁷ Костров, Н.И. Указ. соч. – С. 22-23.

Более привлекательной в глазах северного крестьянина выглядела технология занятых паров. Эта техника не имела цели поднять доходность зернового хозяйства, но повышала доходность двора. В Северном регионе по данным статистики занятые пары культивировались в 11 – 15% крестьянских дворов²⁸.

По итогам весеннего обследования в Северо-Двинской губернии площадь под занятыми парами составляла 2,6% общей площади парового поля. Данного типа пары на Севере были заняты в основном картофелем (56,9%), льном (19,0%), репой и корнеплодами (13,8%), зерновыми (6,1%), сеянными травами (3,7%), коноплей (0,4%) и овощами (0,1%)²⁹.

Наиболее распространённой формой повышения плодородия почвы и общей доходности земледельческой отрасли крестьянского двора на Севере являлось удобрение, как правило, навозом, отчасти торфом или компостом. Для получения качественного навоза повсеместно использовали соломенную подстилку, в приполярных районах, в частности, на Мурмане – подстилку из торфа и мелкой хвой³⁰. В 1925 – 1927 гг. до 86,3% крестьянских дворов Архангельской губернии вносили навоз под яровые культуры и до 46,1% – под озимые³¹. Для озимых хлебов эффективность навоза значительно превышала эффективность раннего пара.

Величина увала навоза на 1 дес. посева яровых культур колебалась в Архангельской губернии в пределах 2800 пуд, озимых – 1400 пуд., в Карелии за 1923 – 1928 гг. – под яровые (ячмень) – около 2000 пуд, озимую рожь – 2500 пуд. На Печоре в районе Усть-Цильмы до 5000 – 6000 пуд на десятину³². Под картофель в среднем по Северу вносилось около 3000 пуд, навоза на десятину³³.

Усиление удабривания повсюду на Севере находилось в тесной связи с ростом скотоводства. Однако к этому фактору постепенно присоединялся и другой – рост многополья и более интенсивная система полеводства, что в свою очередь влекло за собой расширение унавоживания.

Важное место в связи с этим отводилось травосеянию. В 1920-е гг. наблюдался качественный сдвиг в данной отрасли полеводства. В 1924 году по данным ЦСУ размер площадей под сеянными травами в Северо-Восточном районе к уровню 1916 года составил 129%, в 1925 году – 284%³⁴ и в дальнейшем продолжал увеличиваться.

Среди посевов преобладали многолетние травы – традиционные для Севера клевер и тимopheевка. Однолетние травы (вика) являлись более интенсивными и дорогими культурами, требовали больших затрат по подготовке земли, посеву, покупке семян, поэтому их доля в общей

²⁸ Там же. – С. 24-25.

²⁹ Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического отдела. – 1928. – № 2. – С. 2-3.

³⁰ Никольский, В.В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки – Канда-лакши). По материалам исследования летом 1921 года / В.В. Никольский. – М., 1927. – С. 53.

³¹ Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год. – Архангельск, 1926. – С. 116-117; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год. – Архангельск, 1927. – С. 118; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год... – С. 148.

³² Плохинский, Н.А. Печорское скотоводство (данные экспедиции 1928 г.) / Н.А. Плохинский. – Архангельск, 1929. – С. 22.

³³ Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. Вып. IV ... – С. 124; Материалы статистического обзора Автономной Карельской ССР за 1925 – 26 гг. – Петрозаводск, 1927. – С. 59; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год... – С. 116-117; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год... – С. 118; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год... – С. 148.

³⁴ Костров, Н.И. Указ. соч. – С. 31.

площади сеяных трав составляла в 1925 году, по данным ЦСУ, лишь 10%, НКЗ – 14%. Сама степень долгосрочного (3 – 4 года) пользования клеверницами на Севере, при норме 2 года, также являлась показателем экстенсивности полеводческого хозяйства.

По клеверницам в основном высевалась рожь, из яровых культур – лён. Таким образом, расширение травополья постепенно видоизменяло организации полеводства, содействовало введению многопольных севооборотов. При этом главное значение последних состояло не в порядке чередования культур, а в их составе.

В 1925 году, по данным НКЗ, в Архангельской губернии многопольные севообороты составляли 2% ко всей пашне, Вологодской – 14,0, в Северо-Двинской – 6,8%. Из них от 40 до 55,5% были вновь созданы в 1925 году.

По типу плодосмена на Севере преобладали травопольные севообороты (свыше 94% в Вологодской губернии, от 80 до 90% в Северо-Двинской губерниях)³⁵. Весьма незначительную часть составляли травопольные с картофелем и зерновые с картофелем севообороты. Это свидетельствовало об усилении кормового направления севооборотов.

При имевшихся подвижках в агротехнической практике урожайность основных полеводческих культур на протяжении 1920-х гг. также имела тенденцию к некоторому повышению, но при этом всегда оставалась крайне низкой, особенно в Карелии. В сравнении с 1905 – 1915 гг. наивысший урожай ржи в Северном районе был получен в 1927 году – 10,0 ц с гектара, в Карелии – в 1925 году – 10,7 ц, ячменя в Северном районе (11,1 ц) – в 1926 году.

³⁵ Там же. – С. 36, 39.

В Карелии самый высокий урожай ячменя получали как раз в 1905 – 1915 году – 9,5 ц. Урожайность овса повсеместно не поднималась выше 10,0 ц с га. Самый высокий урожай картофеля был снят в 1926 году. В Северном районе он составил 102,9 ц с га, в Карелии – 88,5 центнера с га³⁶.

Валовой сбор земледельческих культур по данным ЦСУ в Северном районе в 1925 году составил 764910,0 тыс. т, в 1926 году – 781000,0 тыс. т, в 1927 году – 764890,0 тыс. т, в 1928 году – 772760,0 тыс. тонн. В процентах к 1925 году это выражалось в следующей пропорции: 100,0% – 102,1 % – 100,0% – 101,0%³⁷.

Скотоводческая отрасль крестьянского хозяйства на Европейском Севере традиционно, за исключением зоны товарного животноводства, занимала подчинённое положение по отношению к полеводству и была направлена по преимуществу на обеспечение хозяйства тягловой силой, на добывание навоза и на получение продуктов питания.

С изменением экономической ситуации в начале 1920-х гг. начинается постепенное возрождение животноводческой отрасли. В 1924 году поголовье тяглового и крупного рогатого скота в регионе превзошло уровень 1916 года³⁸. Исключением являлась Карельская АССР, в которой численность лошадей состав-

³⁶ Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. Вып. IV... – С. 116-117, 125; Город Котлас и его роль... – С. 58-62; За работу. – 1922. – № 1. – С. 22; Сельское хозяйство России в XX веке... – С. 142-146, 152-153; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925 – 1927 годы... – С. 419; Статистический справочник СССР за 1928 г... – С. 178-221; Труды ЦСУ. – Т. XXXV. – Вып. 3. – М., – 1927. – С. 62-75.

³⁷ Статистический справочник СССР за 1928 г... – С. 178-221.

³⁸ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-ой... – С. 200-201; Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг. – М., 1926. – С. 48.

ляла в 1923 – 1924 гг. 85,6% к уровню 1916 года³⁹.

Наиболее быстрыми темпами восстанавливалось поголовье рабочего скота в Архангельской губернии, коров – в Карельской АССР. Численность мелкого рогатого скота и свиней, подвергшаяся за предшествующий период резкому сокращению, восстанавливалась сравнительно медленно. Темпы восстановления поголовья скота, точнее, превышение уровня 1916 года оказались в северной деревне несколько ниже, чем в целом по потребляющей полосе страны. Сказывались затруднения с ремонтом стада, возникшие ещё к концу Гражданской войны.

В ходе восстановительных процессов первой половины 1920-х гг. в потребляющей полосе России в общем поголовье скота возрос удельный вес мелкого рогатого скота главным образом за счёт снижения удельного веса лошадей и крупного рогатого скота⁴⁰. В северных районах Европейской России данная тенденция оказалась не столь выраженной. Более того, в 1924 году в Карельской АССР, АО Коми и Архангельской губернии состав стада фактически полностью соответствовал пропорциям 1916 году. В Вологодской и Северо-Двинской губерниях структура стада в 1924 году приближалась к показателям губерний потребляющей полосы.

³⁹ Данное наблюдение, возможно, не совсем точно отражает подлинное состояние дел в Карелии. Во всяком случае, статистические органы Северо-Западной области, в которую в своё время входили Олонецкая губерния и Карельская Трудовая Коммуна, отмечали приближение численности стада рабочего скота в области к уровню 1916 г. уже к концу 1922 г. Согласно этим данным, поголовье лошадей в Олонецкой губернии насчитывало в 1920 году 33,9 тыс. голов, в 1921 году – 32,9 тыс. голов, в 1922 году – 32,7 тыс. В Карельской трудовой коммуне – соответственно 10,9 тыс. голов, 10,3 тыс. голов и 10,8 тыс. (Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1920 – 22 годы. – Пг., 1923. – 36-37).

⁴⁰ Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-ой... – С. 224-225.

Посмотрим на возрастной состав стада. По установившимся нормам воспроизводства конского состава молодняк должен был составлять не менее 15,0% всего поголовья⁴¹. Выращивание лошади в течение 3 – 4 лет обходилось крестьянину недешево, тем не менее поддержание и увеличение конского состава региона находилось в достаточно хорошем состоянии. Если в 1916 году в Крайнем Северном районе на 100 рабочих лошадей приходилось 15,4 головы молодняка и жеребят, то в 1924 году уже 16,5 голов, в Северном «земледельческом» районе, несколько хуже – 19,2 и 14,9 (по потребляющей полосе – 18,3 и 18,7). Окончательное восстановление нормальных пропорций стада следует отнести к 1925 – 1926 гг.

В составе стада крупного рогатого скота в восстановительный период повсеместно преобладал молодой скот. Это, вероятно, было обусловлено масштабным и необходимым ремонтом поголовья, постаревшего в предыдущий период. В среднем по региону возрастные показатели стада рогатого скота, относящиеся к 1916 году, в 1924 году не были достигнуты.

Восстановление экономики индивидуального крестьянского хозяйства выражалось в постепенном сокращении удельного веса хозяйств, не имевших рогатого скота или имевших только одну корову. Доля бескоровных дворов сократилась в Архангельской губернии с 15,6% в 1920 году, до 11,9 – в 1924 году, в Вологодской – с 9,9 до 7,6%. Число однокоровных дворов также сократилось, причём это сокращение затронуло, в первую очередь, Вологодскую губернию – с 48,2% от всех дворов в 1920 году до 45,7 – в 1924 году. В указанных типах дворов экономика не выходила за рамки натуральных показателей, корова преимущественно использовалась для производственных надобностей семьи.

⁴¹ Город Котлас и его роль... – С. 65.

В большей степени товарным характером отличались дворы с двумя и, в особенности с тремя и более головами рогатого скота. Правда, в совокупности многокоровные дворы составляли не столь значительный удельный вес, не превышая 5,0% – в Архангельской и 11,5 – в Вологодской губерниях⁴².

Что касается уровня обеспеченности тягловым скотом за пять лет, можно отметить некоторое сокращение доли безлошадных и увеличение доли однолошадных и двухлошадных дворов в Архангельской губернии. В Вологодской губернии этого не наблюдалось. Рост числа лошадей в крестьянских хозяйствах Архангельской губернии вряд ли был напрямую связан с потребностями сельскохозяйственного производства (при незначительном полевом хозяйстве нагрузка на лошадь была минимальной, поэтому лишняя тягловая сила использовалась вне двора на отхожем промысле и извозе). Доля безлошадных хозяйств в Северо-Двинской губернии была здесь несколько меньше, а двухлошадных, наоборот, больше, чем в Вологодской губернии⁴³.

При сравнении показателей обеспеченности тягловым скотом крестьянских хозяйств различных посевных групп двух районов Европейского Севера – Крайнего Северного (промыслового) и более земледельческого – Северного района в 1924 году, со всей очевидностью обнаруживается определённая закономерность: так же, как и в конце Гражданской войны, основная масса беспосевных дворов не имела рабочего скота (72,0% в Крайнем Северном и 98,2 – в Северном районах). Наличие однолошадных и многолошад-

ных дворов среди беспосевщиков Архангельской губернии Карельской АССР и АО Коми объяснялось развитием неземледельческих промыслов в данных хозяйствах. Эти дворы могли содержать скот, имея сравнительно развитое луговое хозяйство. В основной посевной группе (с посевом до 1 дес.) Крайнего Северного района преобладали однолошадные хозяйства (59,4%), в аналогичной группе в Северном районе (с посевом от 1 до 2 дес.) также 77,1%.

Данный вывод применим и для всех остальных посевных групп. Исключение составляли крупные дворы (с посевом от 3 до 6 дес.) Крайнего Северного района, в массе своей владевшие двумя лошадьми. Сравнение их с аналогичной группой дворов (преимущественно однолошадных) в земледельческих губерниях даёт основание для выводов о том, что в этих дворах вторая лошадь использовалась преимущественно вне земледельческого производства.

Обеспеченность коровами крестьянских хозяйств также находилась в определённой зависимости от размеров полеводческого участка. Основная масса бескоровных дворов в том и другом районе приходилась на группу беспосевных дворов, с той лишь разницей, что в северном районе эта закономерность была более выражена. Преобладали, тем не менее, однокоровные и двухкоровные хозяйства. Дворы с тремя и более головами продуктивного скота концентрировались в многопосевных группах. Правда, удельный вес многосеющих хозяйств в том и другом районе был сравнительно невелик и существенно не влиял на общую картину обеспеченности скотом⁴⁴.

⁴² Народное хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по мировому хозяйству. Статистический справочник. Год 2-ой... – С. 316-317.

⁴³ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1641. Л. 306.

⁴⁴ См. подробнее: Население, посевы, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь в 1923 и 1924 гг... – С. 30.

Таким образом, завершение восстановительных процессов в животноводстве не приводило к качественным изменениям в распределении экономических групп крестьянских дворов. С большой долей осторожности можно говорить о едва намечившейся к середине 1920-х гг. экономической дифференциации деревни, которая в основе своей смогла лишь восстановить и укрепить серьёзно подорванные натуральные основы производства.

Вплоть до 1929 года численность поголовья скота в регионе не отличалась стабильностью и сохранялась на уровне 1925 – 1926 гг., когда был достигнут определённый максимум количества скота в крестьянских хозяйствах⁴⁵. Приняв за 100% размер стада в 1926 году, получим следующую динамику его эволюции: 1926 год – 100,0%, 1927 год – 97,8, 1928 год – 105,6, 1929 год – 98,5%. В Карелии: 1926 год – 100,0%, 1927 год – 110,4, 1928 год по отношению к предшествующему году – 111,3, 1929 год по отношению к 1928 г. – 80,5%⁴⁶. Примерно в таких же коэффициентах выглядело изменение численности скота на Европейском Севере в оценках ЦСУ: 1926 год – 100%, 1927 год – 92,3, 1928 год – 109,2, 1929 год – 92,0%⁴⁷.

Среди причин, вызвавших замедление темпов роста поголовья скота на Европейском Севере, можно назвать производственные факторы. Более детальный их анализ будет представлен ниже, но, тем не менее, одну из них отметим сейчас. Дело в том, что сокращение поголовья скота (кроме лошадей) в 1929 году в большей степени было мотивировано факторами внеэкономического порядка

– начавшейся коллективизацией и политической раскулачивания деревни, что неизбежно приводило к общему снижению продуктивности сельскохозяйственного производства более состоятельных крестьянских дворов. В 1930 году количество скота сократилось ещё более значительно⁴⁸.

Определив общую направленность динамики поголовья скота во второй половине 1920-х гг., посмотрим, в каком направлении эволюционировала его структура. Начиная с 1928 года, намечившаяся тенденция роста удельного веса поголовья крупного рогатого скота постепенно затормаживалась⁴⁹. Поголовье мелкого скота возросло с 4,6% в 1926 году до 5,6 – в 1929 году. С некоторыми колебаниями обнаруживался рост удельного веса тяглового скота с 13,3% в 1926 году до 15,5 – в 1929 году. Отмеченные колебания не меняли общей характеристики крестьянского стада второй половины 1920-х гг. – его основу составлял крупный рогатый скот и лошади.

В структуре конского стада на протяжении второй половины 1920-х гг., включая критический 1929 год, наблюдалось устоявшееся и вполне благоприятное соотношение молодняка и взрослого скота. Число рабочих лошадей на протяжении 1926 – 1929 гг. в Северном крае несколько превышало 80,0%, оставшееся количество приходилось на молодняк и жеребят, что при всех условиях обеспечивало ремонт стада. В АО Коми в 1928 году даже наблюдался процесс некоего омоложения конского поголовья. Нерабочие лошади и жеребята составляли в области 26,9% от численности поголовья⁵⁰.

⁴⁵ План сельскохозяйственной производственной кампании на 1929/30 год. – Архангельск, 1930. – С. 112-113.

⁴⁶ Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. – Вып. IV... – С. 121.

⁴⁷ Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база. Мясной баланс. – М., 1930. – С. 156-161.

⁴⁸ Пушкарев, В. К итогам мартовского учёта скота в Вологодском округе / В.К. Пушкарев // Хозяйство Севера. – 1930. – № 4-5. – С. 128-135.

⁴⁹ План сельскохозяйственной производственной кампании на 1929/30 год... – С. 112-113.

⁵⁰ Животноводство СССР за 1916 – 1938 гг. – М., 1940. – С. 23, 24, 58, 59.

В стаде крупного рогатого скота преобладающее положение занимал взрослый скот – 57,14 – 60,72%. Не вполне благополучная картина половозрастной структуры стада в первой половине 1920-х гг., казалось бы, была преодолена. Значительное повышение поголовья коров свидетельствовало об одном – стадо принимало более молочное направление. В то же время в структуре стада крупного рогатого скота сложился определённый дисбаланс. Постоянное увеличение числа коров в стаде происходило за счёт ремонтного молодняка, прежде всего телят и подтёлков. В совокупности всё это свидетельствовало о неблагополучии молочного животноводства.

Замедление роста поголовья скота во второй половине 1920-х гг. при одновременном увеличении численности крестьянских хозяйств сказалось на обеспеченности скотом крестьянских дворов. В 1926 году в регионе в среднем на хозяйство приходилось 1 голова тяглового скота, 2,87 головы крупного рогатого скота, в том числе 1,74 коровы, 3,11 головы мелкого рогатого скота (овец и коз), 0,32 головы свиней. Наиболее обеспеченными скотом (в первую очередь, рабочими лошадьми и коровами) оказывались хозяйства Вологодской губернии, традиционно отличавшиеся развитой сельскохозяйственной специализацией⁵¹.

Рост численности крестьянских дворов в Вологодской губернии за 1924 – 1927 гг. в большинстве посевных групп оказывался выше темпов роста поголовья скота, приходящегося на эти посевные группы. Адекватный рост был присущ лишь VI и VII посевным группам (от 4,1 до 8,1 дес.), отчасти – VIII группе (с посевом свыше 8,1 дес.)⁵². Данное обстоятельство даёт основание утверждать, что

по завершении восстановительных процессов произошедшая во второй половине 1920-х гг. перегруппировка поголовья скота по посевным группам в целом не свидетельствовала об улучшении обеспеченности тягловым и крупным рогатым скотом основной массы крестьянских хозяйств. В абсолютном большинстве дворов по-прежнему содержалась одна лошадь и одна корова. Только в VIII посевной группе преобладали двухлошадные и многокоровные (трёх- и четырёхкоровные) дворы.

Основу крестьянских хозяйств АО Коми и Северо-Двинской губернии в 1924 – 1928 гг. так же, как и в Вологодской губернии, составляли однолошадные и одно-, двухкоровные дворы. Причём если в АО Коми доля однолошадных и двухлошадных дворов несколько возросла за счёт сокращения хозяйств, не имевших рабочего скота, то в Северо-Двинской губернии, наоборот, она снизилась за счёт возрастания удельного веса безлошадных дворов⁵³.

Характер обеспеченности крупным рогатым скотом, прежде всего коровами, соответствовал выявленной тенденции: в структуре дворов также преобладали одно-двухкоровные дворы, причём их удельный вес несколько снижался за счёт возрастания доли бескоровных и четырёхкоровных хозяйств. В Северо-Двинской губернии удельный вес последних в 1927 году увеличился по сравнению с 1924 годом с 2,4 до 5,1%.

Наряду с организационно-производственными факторами основной причиной замедления роста поголовья скота в регионе являлось состояние кормовой базы, основу которой составляло сено с естественных кормовых угодий (заливные и суходольные луга, лесные, полевые сенокосы и болотные сенокосы).

⁵¹ Город Котлас и его роль... – С. 56-63.

⁵² Материалы к XVI Вологодской губернской конференции ВКП(б). – Вологда, 1927. – С. 6-8.

⁵³ ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 353. Л. 28, 29; ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 142, 143.

Качество лугового фонда на Европейском Севере традиционно считалось высоким. Между тем в 1920-е гг. сенокосные угодья во всех северных губерниях более чем наполовину состояли из низких по качеству лугов. Наиболее продуктивные заливные луга располагались в поймах рек Северной Двины, Печоры, Мезени, Онеги, Вычегды, Сухоны и Юга. В Северо-Двинской губернии на их долю приходилось лишь 27,0% кормовой площади⁵⁴.

Лучше обстояло дело в Архангельской губернии. По данным 1927 года, доля заливных лугов составила здесь 47,4% всего лугового фонда. При внешней схожести природно-климатических условий, в которых развивалось крестьянское хозяйство Карелии и Архангельской губернии, карельская деревня была намного хуже обеспечена сеном. Основу кормовой базы в республике составляло сено, получаемое с лесных и болотных пожень (около 66,0% всех луговых угодий). В 1927 – 1929 гг. в Карельской АССР на долю заливных лугов приходилось лишь 26,0 – 26,4% всей площади сенокоса. Причём более 60,0% заливных сенокосов составляли менее качественные «осочные» сенокосы⁵⁵.

В отличие от пашни, расширение сенокосных угодий происходило крайне медленно. По нашим подсчётам, за период с 1925/1926 по 1928/1929 гг. луговая площадь в Архангельской губернии увеличилась (за счёт расчисток, распашек неудобий, осушения болот и др. мелиоративных работ) с 188400 га до 194700 га или на 3,3%, составляя в 1929 году 104,1% к

уровню 1917 года⁵⁶. В Карелии с 1927 по 1929 год площадь лугов возросла (главным образом за счёт лесных и болотных лугов) всего лишь на 5133,58 га, или на 2,3%.

В итоге низкие темпы роста луговой площади неизбежно сказались на уровне обеспеченности ими крестьянских дворов. Если к концу восстановительного периода кормовая потребность наличного стада крестьянского скота сполна обслуживалась естественной кормовой площадью вместе с продуктами, производимыми экстенсивным полеводством (в силу чего крестьянин не ощущал потребности в дополнительном получении корма за счёт сеянных на пашне трав), то уже к концу 1920-х гг. сложился ощутимый дисбаланс луговой площади и площади пашни. Для рациональной организации сельского хозяйства оптимальным считалось соотношение пашни и сенокоса как 100:150. В 1924/1925 году в Северо-Двинской губернии в мелкопосевных хозяйствах данная пропорция равнялась 100:132, а для крупнопосевных – 100:135, т. е. выглядела сравнительно удовлетворительной⁵⁷. Ситуация стала меняться к концу 1920-х гг. Более быстрые темпы роста пашни в Северо-Двинской губернии изменили в худшую сторону отмеченную пропорцию, и в 1927 году, например, она равнялась лишь 100:81,7⁵⁸.

⁵⁶ Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1927/28 год. – Архангельск, 1928. – С. 19; Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928 – 29 год. – Архангельск, 1928. – С. 30; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917 – 1924 годы... – С. 423; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год... – С. 130; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год... – С. 128; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год... – С. 154.

⁵⁷ Дербенев, А.Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1924 – 25 г. на основе изучения его бюджета / А.Г. Дербенев. – Великий Устюг, 1925. – С. 18.

⁵⁸ ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 102.

⁵⁴ ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 121.

⁵⁵ Автономная Карельская социалистическая республика. Ежегодник. – Вып. III [Петрозаводск], 1928. – С. 150; Вып. IV... – С. 112; Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год... – С. 154.

Относительное расширение стада неминуемо вызывало, с одной стороны, улучшение качества естественных лугов, с другой стороны, необходимость в искусственном производстве кормов. Урожайность лугов постепенно увеличивалась, но всё же оставалась крайне низкой, не превышая в течение всех 1920-х гг. в среднем 20 ц сена с 1 га луговой площади. Следует подчеркнуть, что при экстенсивном характере лугового хозяйства в регионе продуктивность лугов находилась в прямой зависимости от погодных условий. Особенно неурожайным был 1926 год, что наиболее ярко проявилось в Архангельской губернии⁵⁹. Крайне плохие погодные условия наблюдались и в 1928 году. Понижились валовые сборы зерна, но ещё более неудовлетворительно обстояло дело с урожаем естественных трав.

Не случайно, что во второй половине 1920-х гг. абсолютно во всех регионах Европейского Севера площадь под посевами однолетних и многолетних трав постепенно увеличивалась, но даже в Вологодской губернии, отличавшейся наиболее зрелыми формами полевого травосеяния, крестьянское хозяйство постоянно испытывало затруднения с фуражом и сильными кормами. В данных условиях всё большее значение приобретал тип кормления скота. Судя по данным крестьянских бюджетов о расходах кормов (в пудах), за стойловые периоды 1924/1925 и 1925/1926 гг.⁶⁰. Больших различий в даче абсолютных количеств грубых кормов тягловому скоту в крестьянских хозяйствах Северного и Северо-Западного районов не отмечалось. В составе грубых кормов преобладало более высокое по качеству сено (93,5% – в Северном, 90,2 – в Северо-Западном). Доля сильных кормов и корнеклубне-

плодов была относительно невелика, что позволяет отнести оба района к преимущественно сенному типу кормления тяглового скота. Учитывая продолжительность стойлового содержания и сравнительно высокие размеры кормовых дач, содержание лошади ложилось тяжёлым бременем на крестьянские дворы. В Северном районе содержание лошади за один стойловый период составляло 179,1 руб. и тем самым превосходило её стоимость.

Таким образом, за счёт некоторого увеличения доли сильных кормов кормление лошади стало обильнее. Вне всякого сомнения, оно менялось в зависимости от достатка двора, при этом для маломощных хозяйств бремя кормления лошади было более высоким по той причине, что использование рабочей силы лошади ограничивалось в бедных дворах малым размером хозяйства.

Состав кормовых дач рогатому скоту (отношение сена к гумённым кормам) в Северном районе составлял 50,6%, в Северо-Западном – 49,2. Погубернские данные несколько корректируют общий показатель кормовых дач. К преимущественно сенному типу кормления относилась только Архангельская губерния. Здесь за стойловый период на долю сена (в крахмальном эквиваленте) приходилось 67,7% кормовой дачи, на долю гумённых кормов 18,3%, посыпки (мука и отруби) – 5,2%, жмыха – 2,8%, корнеклубнеплодов – 6,0%. Северо-Двинскую губернию следовало отнести к сенно-соломистому типу кормления. Здесь на долю сена (приходилось 60,5% кормовой дачи, на долю гумённых кормов 31,1%, посыпки – 3,9%, жмыха – 2,3%, корнеклубнеплодов – 2,2%. Вологодская губерния относилась к соломисто-сенному типу кормления. Здесь на долю сена (в крахмальном эквиваленте) приходилось 36,5% кормовой дачи за стойловый период, на долю гумённых

⁵⁹ Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928 – 29 г... – С. 29.

⁶⁰ Костров Н.И. Указ. соч. – С. 49, 53, 57, 66.

кормов – 49,5, посылки – 6,4, жмыха – 4,7, корнеклубнеплодов – 2,8%. Понятно, что основным фактором, под влиянием которого изменялось кормление коров, являлась разная кормообеспеченность и разный состав угодий по губерниям. Но наряду с естественно-историческими условиями нельзя не признавать значения и других, главным образом общеэкономических факторов, обуславливавших ту или иную роль крупного рогатого скота в хозяйстве.

От качества кормления зависела продуктивность молочного стада. В 1920-е гг. средний дневной удой коровы составлял в Архангельской губернии – 15,4, Вологодской – 12,8, Северо-Двинской – 10,1 фунта⁶¹. Повышенные удои наблюдались в случае улучшенного (показательного) кормления. Крестьянство проявляло интерес к созданным повсюду показательным участкам и к опыту так называемых хороших хозяев. Во всяком случае, в Северном районе в 88,5% волостей из числа волостей, вошедших в бюджетные обследования, наблюдались случаи улучшенного (расширение в кормовом рационе концентрированных /сильных/ кормов) кормления рогатого скота.

Важным элементом рационализации животноводства являлись сроки отёла коров. В 72,9% селений Северного и 71,2 – Северо-Западного районов господствующим временем отёла коров у большинства хозяйств являлась ранняя весна (февраль – март), осенне-зимний отёл (октябрь – январь) у большинства хозяйств имел место в 14,8% селений Северного и 28,8 – Северо-Западного районов, весенний отёл (апрель – май) – в 12,3% селений Северного региона. Время отёла коров определяло продолжительность сухостойного содержания и, соответственно, годовой надой молока. По бюджетным данным ЦСУ, при средней

продолжительности сухостоя на Севере в 74,8 дня и преобладающем раннем весеннем отёле коров валовой надой молока на 1 корову равнялся 82,2 пудов. На Северо-Западе – соответственно в 70,3 дня и 73,2 пуда годового надоя.

Таким образом, в 1920-х гг. процесс измельчания пашни и посева в регионе, непосредственно связанный с аграрным перенаселением и последствиями уравнительного передела земли, повсеместно сопровождался изменениями в структуре посевных площадей в пользу продовольственных культур. Последующее развитие земледельческой отрасли приводило к постепенной трансформации состава пашни. Заметную роль начинают играть посевы фуражных культур, возрастает удельный вес пропашных культур и в особенности кормовых трав, что даёт основание для выводов о животноводческой направленности сельского хозяйства региона.

Вторая половина 1920-х гг. отличалась постепенным ростом поголовья. Уровень обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом оказался довольно высоким, хотя преобладающим типом дворов в регионе оставался однолошадный двор. По условиям Европейского Севера данный тип двора был наиболее экономичен и соответствовал характеру полеводства. Нагрузка рабочей лошади, которая определялась количеством обрабатываемой ею пашни или сенокосов, с каждым годом возрастала, достигнув в 1928 году 2,78 га посева (101,1% нагрузки за 1916 год), или 3,85 га пашни (97,8% нагрузки 1916 года) при существовавшей норме 3,94 га на рабочую лошадь⁶².

Несколько иная ситуация имела место в отношении крупного рогатого и других видов скота. Во второй половине 1920-х гг. наблюдалось снижение темпов прироста поголовья и даже определённая стагнация.

⁶¹ Костров, Н.И. Указ. соч. – С. 69.

⁶² ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 125.

По-прежнему среди крестьянских хозяйств преобладали однокоровные и двухкоровные дворы. По причине снижения удельного веса и качественных параметров ремонтной части в целом замедлились темпы обновления стада. В основе обозначившейся тенденции лежали факторы экономического порядка и, прежде всего, ухудшение кормовой базы. В 1929 году статистика зафиксировала катастрофическую убыль практически всех видов скота, что было связано с внешними по отношению к крестьянскому двору факторами, а также начавшейся коллективизацией деревни и раскулачиванием.

В итоге на протяжении 1920-х гг. система полеводства на Европейском

Севере, базировавшаяся на внедрении новых агротехнических приёмов, приобрела законченный вид. Животноводство, в свою очередь, обеспечивало потребительские и производственные надобности крестьянской семьи и в очень малой степени соответствовало планам властей по модернизации экономики. Тем не менее агротехнический опыт индивидуального хозяйствования в условиях подвижной нэповской экономики свидетельствовал об укреплении традиций и одновременной мобильности семейного производства, служивших основой самовоспроизводства и самосохранения крестьянского двора.